

В течение многих лет И. М. Лурье был душой всего издательского дела Эрмитажа: под его редакцией вышли четыре тома «Трудов отдела Востока Государственного Эрмитажа», он был также бессменным ответственным редактором «Сообщений Эрмитажа».

Помимо всей этой большой научной работы, И. М. Лурье отдавал также много сил музейной работе, выполняя в Эрмитаже в течение 30 лет самые разнообразные обязанности и занимая различные должности — от научно-технического сотрудника до заместителя директора Эрмитажа по научной части и заведующего отделом Востока.

В лице И. М. Лурье советская наука потеряла принципиального и честного, глубоко преданного делу партии ученого-коммуниста, одного из неутомимых организаторов научной и просветительной работы в крупнейшем музее нашей страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева
под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кондратьева

XVIII. Элий Лампридий

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

I. (1) После убийства Вария Гелиогабала (я предпочитаю называть его так, а не Антонином, так как ничего свойственного Антонинам в этой язве обнаружить нельзя, (2) и это имя, согласно авторитетному указанию сената, было уничтожено в анналах) власть принял Аврелий Александр, уроженец города Арки, сын Вария, внук Вария и двоюродный брат самого Габала; раньше, именно — после смерти Макрина, сенат провозгласил его Цезарем. (3) Затем он получил имя Августа, причем сенат дополнительно постановил, чтобы он в один и тот же день принял и прозвание отца отечества, и проконсульские права, и трибунские полномочия, и право пятикратного доклада сенату. (4) Чтобы это непрерывное наделение почестями не показалось слишком стремительным, я изложу причины, по которым и сенат вынужден был так поступить, и он — все это допустить. (5) Ведь и почтенности сената не соответствовало одновременное наделение всеми этими почестями, и хорошему государю не подобало набирать столько званий сразу. (6) Воины уже привыкли создавать себе императоров на основании беспорядочного решения и легко сменять их, ссылаясь иногда в оправдание своего поступка на то, что они не знали о состоявшемся уже провозглашении государя сенатом. (7) Ведь и Песценния Нигра, и Клодия [Нигра] Альбина, и Авидия Кассия и еще раньше Луция Випдекса, и Луция Антония, и самого Севера они провозгласили императорами в то время, как сенат признал уже государем Юлиана, а такое положение дел породило гражданские войны, во время которых воину, предназначенному для борьбы против врага, приходилось погибать в братоубийственной брани.

II. (1) По этой же причине и поторопились, чтобы Александр сразу же получил все, словно он был уже старым императором. 2) Сюда присоединилось и исключительное расположение к нему сената и народа — после того негодяя, который не только замарал имя Антонинов, но и покрыл бесчестьем Римское государство. (3) Словом, ему непрерывно назначали всевозможные звания и полномочия, (4), и он первый принял одновременно все знаки отличия и все виды почестей. В его пользу говорило и имя Цезаря, которого он удостоился за несколько лет до того, а еще больше — его образ жизни и нравы; приобрел он общее расположение и вследствие того, что Гелиогабал пытался убить его, но не мог, так как и воины воспротивились этому, и сенат не соглашался. (5) Но все это малозначительно, а важно то, что он проявил себя достойным того, чтобы и сенат оберегал его, и воины хотели видеть его здоровым и невредимым, и, по единодушному решению всех честных людей, он был признан государем.

III. (1) Итак, Александр, матерью которого была Мамаея — так говорит большинство, с раннего детства хорошо усвоивший полезные для гражданина и воина навыки, не пропускал, поскольку это зависело от него, ни одного дня, чтобы не упражняться в науках или в военном деле. (2) В раннем детстве у него были: учителя грамоты —

Валерий Корд, Тит Ветурий и вольноотпущенник его отца Аврелий Филипп, который впоследствии описал его жизнь; (3) на родине — греческий грамматик Негон, ритор Серапион, философ Стихион; в Риме — грамматик, знаменитый ученый Скаврин, сын Скаврины, риторы Юлий Фронтин, Бебий Макриан и Юлий Граниан, чьи школьные речи передаются и теперь. (4) Но в латинских занятиях он не сделал больших успехов, как это явствует из речей, произнесенных им в сенате и на сходках перед войнами или перед народом. Он не особенно любил латинское красноречие, но очень любил образованных людей, притом несколько даже опасался, как бы они в своих произведениях не отозвались о нем сурово. (5) Словом, он хотел, чтобы обо всех его действиях как в общественной, так и в частной жизни те люди, которых он считал достойными узнавать об этом, узнавали из его собственных уст, если сами они случайно не были свидетелями этих действий, — и просил их написать об этом, если это соответствует истине.

IV. (1) Он запретил называть себя владыкой. Он приказал, чтобы ему писали письма как частному человеку, сохранив только звание императора. (2) Он велел снять драгоценные камни с одежд и обуви, которыми пользовался Гелиогабал. Он носил, как его и рисуют, белую не золоченую одежду, обыкновенные дорожные плащи и тоги. (3) С друзьями он жил в таком тесном общении, что они часто собирались вместе, сам он ходил к ним на пиры, некоторые бывали у него ежедневно без приглашения. Приветствия он принимал так, словно был одним из сенаторов; при этом занавес бывал отдернут, персонал, присутствующий на аудиенциях, удален, или оставались лишь служители, стоявшие у дверей, тогда как раньше невозможно было приветствовать государей, так как их нельзя было видеть. (4) Телом он был таков, что, кроме привлекательности и мужественной красоты, каким мы и доныне видим его в статуях и на картинах, он отличался еще крепостью, соединенной с военной выправкой, и здоровьем человека, который знает свою силу и всегда заботится о ней. (5) Кроме того, он был любим всеми людьми; некоторые называли его благочестивым, а все — безусловно безупречным и полезным для государства. (6) Когда Гелиогабал строил против него козни, в храме Пренестинской богини Александру выпал такой жребий:

«Сокруши только рок беспощадный,
Будешь Марцеллом ты»¹.

V. (1) Он получил имя Александра потому, что родился в храме, посвященном Александру Великому в городе Арке, так как случилось, что отец его вместе с женой пришли сюда в день праздника Александра для выполнения религиозных обрядов. (2) Доказательством этого служит то обстоятельство, что день рождения этого Александра, сына Маммен, приходится на тот день, когда умер тот великий Александр. (3) Он отказался от поднесенного ему сенатом имени Антонина, хотя он был ближе связан родством с Каракаллом, чем тот подложный Антонин². (4) Ведь, как рассказывает Марий Максим в жизнеописании Севера, последний, еще в бытность свою частным человеком и не занимая достаточно высокого положения, взял себе в жены знатную восточную женщину, гороскоп которой, как он узнал, указывал на то, что она будет женой императора. В родстве с ней был этот Александр, которому действительно двоюродным братом со стороны матери приходился Варий Гелиогабал. (5) Отказался он и от имени Великого, которое было ему предложено по решению сената, словно новому Александру Македонскому.

VI. (1) Важно прочитать ту речь, в которой он отказался от поднесенного ему сенатом имени Антонина и Великого. Но прежде чем приводить ее, я перечислю взгляды сената, которыми сопровождалось принятие постановления. (2) Из городских ведомостей: «Накануне мартовских нон, когда сенат в многочисленном составе собрался в курии (т. е. в здании храма, посвященного Согласию) и туда был приглашен Аврелий Александр Цезарь Август для участия в заседании, и когда он сначала отказался прийти, так как знал, что речь будет идти о присвоении ему почестей, но затем

¹ Verg., Aen., V, 882.

² Имется в виду Гелиогабал.

все же пришел, раздались возгласы: 3) «Добродетельный Август, да хранят тебя боги! Император Александр, да хранят тебе боги! Боги дали нам тебя, боги да сохраняют тебя! Боги вырвали тебя из рук грязного человека, боги да продлят твои дни! (4) И ты пострадал от грязного тирана, и ты скорбел о том, что жил такой грязный и непристойный человек! Боги истребили его, боги сохранили тебя! Распущенный император правильно осужден! (5) Счастливы мы властью твоей, счастливо государство! Распутного императора на страх другим тащили крюком, развращенный император³ поделом наказан, запятнавший почетные звания закономерно наказан! Бессмертные боги да даруют Александру долгую жизнь! Здесь проявил себя суд богов».

VII. (1) И когда Александр благодарил сенаторов, раздались возгласы: «Антонин Александр, да хранят тебя боги! Антонин Аврелий, да хранят тебя боги! Антонин Пий, да хранят тебя боги! Мы просим, прими имя Антонина! (2) Согласись — в угоду хорошим императорам — называться Антонином! Очисти ты имя Антонинов! То, что он обесславил, ты очисти! Восстанови блеск имени Антонинов! (3) Пусть осознает себя кровь Антонинов! Отомсти за обиду Марка! Отомсти за обиду Вера! Отомсти за обиду Бассиана! (4) Хуже Коммода один только Гелиогабал — он не император, не Антонин, не гражданин, не сенатор, не благородный, не римлянин! (5) В тебе спасение, в тебе жизнь! Чтобы было отрадно жить, Александру — жизнь Антонинов! Чтобы было отрадно жить, да зовется он Антонином! (6) Храмы Антонинов да освятит Антонин! Да победит парфян и персов Антонин! Священное имя да примет святой! Священное имя да примет чистый! Имя Антонина да признают боги, честь Антонинов да сохраняют боги! В тебе все, через тебя все! Будь здоров, Антонин!»

VIII. (1) После этих возгласов — Аврелий Александр Цезарь Август: «Благодарю, отцы сенаторы, не только за то, что произошло сейчас, но и за имя Цезаря, за спасение моей жизни, за присвоение имени Августа, за звание великого понтифика, за трибунские полномочия и проконсульскую власть. Все это вы передали мне в один день, чему раньше не было примера». (2) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Это ты принял, прими и имя Антонина! Пусть удостоится этого сенат, пусть удостоится этого Антонина! (3) Антонин Август, да хранят тебя боги! да сохраняют тебя боги как Антонина! Пусть имя Антонина вновь появится на монете! Да освятит Антонин храмы Антонинов!» (4) Аврелий Александр Август: «Прошу вас, отцы сенаторы, не ставьте меня в необходимость вступить в такое соревнование, принуждая меня быть достойным столь великого имени; ведь это имя, даже когда оно является чужим, уже само по себе кажется обременительным. Такие выдающиеся имена давят. (5) В самом деле, кто назовет немого Цицероном? Невежду — Варроном? Нечестивца — Метеллом? И — да отвратят это боги — кто потерпит, чтобы самым блестящим саном был облечен человек, не доросший до имен, которые он носит?» Снова такие возгласы, какие приведены выше.

IX. (1) Император опять сказал: «Сколь велико было имя или, вернее, божественное прозвание Антонинов, это помнит Ваша милость. Если говорить о благочестии — кто праведнее Пия? Если об учености — кто мудрее Марка? Если о незлобности — кто простодушнее Вера? О храбрости — кто храбрее Бассиана? (2) О Коммоде я не хочу упоминать, так как он был хуже других уже тем, что, отличаясь такими правами, носил имя Антонина. (3) Днадумен же не имел ни времени, ни достаточно зрелого возраста, чтобы проявить себя и получил это имя скорее благодаря проискам отца». (4) Снова те же возгласы, какие приведены выше. Император опять сказал: «Вы, отцы сенаторы, конечно, помните общие стенания в недавнем прошлом, когда этот грязнейший не только из двуногих, но и из четвероногих чванился именем Антонина и в то же время своей позорной жизнью и роскошью превзошел Неронов, Вителлиев, Коммодов: — в кружках простого народа и знатных людей все в один голос говорили, что грешно называть его Антонином, что эта язва бесчестит столь великое имя». (5) При этих его словах раздались возгласы: «Да отвратят боги это зло! Под твоей властью мы этого не боимся! Относительно этого мы под твоим водительством спокойны! Ты

³ Добавлено Келлербауером и Петерой.

победил пороки, победил преступления, победил позор! Ты украсишь имя Антонина. (6) В тебе мы твердо уверены, мы предвидим доброе! С детства твоего мы ценили тебя, ценим тебя и сейчас!» (7) Опять император: «Я, отцы сенаторы, боюсь принять это в тебе чтимое имя не потому, что опасаясь, как бы в дальнейшей своей жизни я не предатся этим порокам, и не потому, что стыжусь этого имени, но прежде всего потому, что мне не хочется принимать имя чужой семьи, а затем и потому, что, я уверен, оно будет обременять меня». Когда он это говорил, раздавались такие же возгласы, какие приведены выше.

X. (1) Он опять сказал: (2) «Ведь если я приму имя Антонина, то я могу принять и имя Траяна, могу — и Тита, могу — и Веспасиана». (3) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Имя Антонина — то же, что и имя Августа!» Тогда император: «Я вижу, отцы сенаторы, что побуждает вас присвоить мне это имя. (4) Август был первым создателем этой власти, и все мы наследуем его имя в силу как бы некоего усыновления или права наследования. Ведь сами Антонины носили имя Августов. (5) Так Антонин, то есть Пий, назвал Антонинами Марка и Вера по праву усыновления, для Коммода оно было наследственным, Диадумену оно было навязано, Бассиану — дано ради подражания, в применении к Варию⁴ оно было смехотворным». (6) Когда он это говорил, раздавались возгласы: «Александр Август, да хранят тебя боги! Да окажут боги покровительство твоей скромности, твоей мудрости, твоей незлобности, твоей чистоте! Из твоих слов мы понимаем, каким ты будешь, и ценим тебя! Ты добьешься того, чтобы сенат на благо всем выбирал государей!» (7) Ты добьешься того, что решения сената станут превосходными! Александр Август, да хранят тебя боги! Александр Август освятит храмы Антонинов! (8) Наш Цезарь, наш Август, наш император, да хранят тебя боги! Живи, будь здоров, властвуй многие годы!»

XI. (1) Император Александр сказал: «Я понимаю, отцы сенаторы, что я получил то, чего желал, и я принимаю это с удовлетворением, выражая вам и чувству великую благодарность. Я приложу все усилия к тому, чтобы и то имя, которое я принес с собой, вступая во власть, стало таким, чтобы и другие пожелали носить его и чтобы вы в ваших угодных богам постановлениях предлагали его хорошим императорам». (2) После этого раздались возгласы: «Великий Александр, да хранят тебя боги! Если ты отверг имя Антонина, прими предима Великого! Великий Александр, да хранят тебя боги!» (3) Так как они много раз говорили это, то Александр Август: «Легче мне было бы, отцы сенаторы, принять имя Антонинов: ведь этим я как-то отметил бы либо свое родство с ними, либо то, что я ношу общее с ними звание императора. (4) Но на каком основании я приму имя Великого? Что великое я уже совершил? Ведь Александр получил его после великих деяний, а Помпей после великих триумфов. Поэтому успокойтесь, досточтимые отцы сенаторы, и, сами будучи великодушными, считайте меня одним из вас, а не надевайте меня именем Великого».

XII. (1) После этого раздались возгласы: «Аврелий Александр Август, да хранят тебя боги!» и так далее, по обычаю. (2) Отпустив сенат и совершив в этот же день много других дел, он вернулся домой как триумфатор. (3) Неприятие чужих имен прославало его гораздо больше, нежели могло бы прославить принятие их. Благодаря этому поступку он приобрел славу человека твердого и благоразумного — ввиду того, что весь сенат не мог переубедить одного молодого человека или, вернее, юношу. (4) Сенат своими просьбами не мог убедить его принять имена Антонина и Великого; воины же за необыкновенную силу духа и удивительную и исключительную твердость пред лицом своевольных воинов присвоили ему имя Севера. (5) Это создало ему огромное уважение при жизни, великую славу в потомстве. Он достиг того, что получил имя, соответствующее доблести его духа: он оказался единственным человеком, который мог раскассировать мятежные легионы, как это будет показано в своем месте. Он самым суровым образом наказывал воинов, если им случалось совершить что-нибудь, что могло считаться противозаконным; об этом мы расскажем в своем месте.

XIII. (1) Знамена ожидавшей его императорской власти были следующие. Преж-

⁴ «Варию» — конъектура Гиршфельда.

де всего, он родился в тот самый день, в который, как говорят, скончался Александр Великий. Затем, его мать разрешилась от бремени в храме того же Александра. В третьих, он получил его имя. Кроме того, какая-то старушка принесла его матери голубиное яйцо пурпурного цвета, снесенное в тот самый день, когда он родился. (2) На этом основании гарусники сказали, что он будет императором, но недолго, и станет императором рано. Кроме того, портрет императора Траяна, висевший над брачным ложем его отца, упал на это ложе в то время, как мать производила его на свет в храме. (3) К этому присоединилось и то, что в кормилицы ему дали Олимпиаду, а это имя послала мать Александра. (4) Случайно получилось, что дядькой его был один крестьянин — Филипп, а таково было имя отца Александра Великого. (5) Говорят, что в течение всего первого дня после его рождения в Цезаревой Арке была видна звезда первой величины, и солнце над домом его отца было окружено блестящим венцом. (6) Истолковывая явления, бывшие в день его рождения, гарусники сказали, что он будет держать в своих руках верховную власть, потому что жертвенные животные были приведены из имения, принадлежавшего императору Северу, и притом это были животные, которых колонны готовились заклать в честь Севера. (7) Лавр, выросший в доме рядом с персиковым деревом, в течение одного года перерос персиковое дерево. Ввиду этого толкователи сказали, также, что он победит персов.

XIV. (1) Накануне родов мать видела во сне, что она производит на свет маленькую змею пурпурного цвета. (2) В ту же ночь отец его увидел во сне, что он возносится на небо на крыльях Римской Победы, статуя которой стоит в сенате. (3) Когда сам Александр спросил у прорицателя о своем будущем — был он в это время маленьким и гадал в первый раз — он, говорят, получил в ответ такие стихи. (4) «Власть ожидает тебя над землею и небом». Это было понято так, что он будет даже причислен к богам. — «Власть ожидает тебя, которая властью владеет». Это было понято так, что он будет государем Римской империи, ибо где же есть власть, которая владеет властью, как не у римлян. Это было извлечено из греческих стихов. (5) Сам же он, после того, как, по совету отца, перенес свое внимание с философии и музыки на другие виды искусства, гадая по Вергилию⁵, получил такого рода откровение:

«Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики ваяют,
Тяжбы лучше ведут и также неба движения
Тростню лучше чертят и восход светил возвещают.
Твой же, Римлянин, долг — полновластно народами править:
В этом искусства твои; предписывать мира законы,
Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных.

(6) Было много других предзнаменований, на основании которых становилось ясно, что он будет владыкой рода человеческого. Необыкновенным был блеск его глаз, приводивший в смущение тех, кто долго смотрел на него; очень часто он проявлял способность предугадывания и обладал исключительной памятью, которую он, по сообщению Ахалия, усилил с помощью мнемоники. (7) Так как он достиг власти почти что мальчиком, то все дела он вел вместе с матерью, так что казалось, что и она — наравне с ним — пользуется императорской властью. Это была женщина праведная, но скудная, страстно любившая золото и серебро.

XV. (1) Начав действовать как Август, он прежде всего отстранил от государственных дел, от службы и должностей всех судей, которых тот грязный человек выдвинул из числа самых мерзких людей; затем он произвел чистку сената и сословия всадников. (2) Затем он произвел чистку самих триб и тех, кто пользовался воинскими преимуществами. Произвел он чистку и в своем Палатинском дворце и во всей своей свите, отстранив от придворной службы всех непотребных и опозоренных людей, а в дворцовой обслуге он позволил остаться только тем, кто был необходим. (3) Затем он связал себя клятвой не иметь при себе ни одного приписного, то есть не несущего никаких

⁵ Verg. Aen., II, 847—853.

обязанностей служащего, чтобы не обременять государство выдачей продовольственных пайков; он говорил, что общественным злом является тот император⁶, который кровью провинциалов кормит ненужных и не приносящих пользы государству людей. (4) Он приказал, чтобы ни в одном городе не показывались судьи, уличенные в воровстве, и если бы таковые показались, правители провинций должны были отправлять их в ссылку. (5) Он тщательно проверял воинское продовольствие. Трибунов, которые путем утайки отнимали что-либо у воинов, он наказывал смертью. (6) Он предписал, чтобы дела и тяжбы сначала просматривались и разбирались правителями канцелярий и учеными и преданными ему законоведами, из которых первым был тогда Ульпиан, и только после этого ему делался доклад.

XVI. (1) Он установил очень большое число разумных законов о правах народа и императорского казначейства. Ни одной правовой норме он не давал силы без согласия совета, в котором участвовали двадцать законовевдов и не менее пятидесяти ученых и мудрых, и притом очень красноречивых людей, так что в этом совете подавалось столько же мнений, сколько их требовалось в сенате для вынесения сенатского постановления. (2) При этом спрашивалось мнение каждого и записывалось, кто что сказал, но давалось время разобраться и обдумать, прежде чем говорить, чтобы люди не были принуждены высказываться о делах большой важности, не подумав. (3) Кроме того, у него был обычай, если речь шла о праве или делах, приглашать только ученых и красноречивых людей, если — о военном деле, то старых военных, заслуженных стариков, хорошо знавших местности, порядок ведения войны, устройство лагеря, а также всяких образованных людей, главным образом тех, кто знал историю: у них он спрашивал, как поступали в случаях, подобных тем, какие разбирались, старинные римские императоры или вожди иноземных племен.

XVII. (1) Эноклпий, с которым Александр был в самых дружественных отношениях, рассказывал, что при виде судьи-вора он готов был собственными руками вырвать у него глаза: так сильна была ненависть его к тем, относительно которых было доказано, что они — воры. (2) Септимин, обстоятельно исследовавший его жизнь, добавляет к этому, что раздражение Александра против тех судей, которые, по слухам, занимались воровством, даже если они не были осуждены, было очень велико: если он случайно видел их, его охватывало душевное волнение, его рвало желчью, лицо его пылало, он даже терял способность говорить. (3) Когда некий Септимий Арабиан, получивший печальную известность после того, как он был обвинен в воровстве, и уже освобожденный при Гелиогабале, явился вместе с другими сенаторами приветствовать нового государя, Александр воскликнул: (4) «О Марна! О Юпитер! О бессмертные боги! Арабиан не только жив, но даже приходит в сенат, может быть даже возлагает какие-то надежды на меня! Таким дураком, таким глупцом он меня считает!».

XVIII. (1) Приветствовали его всегда только по имени, то есть: «Будь здоров, Александр!». Если кто-нибудь склонял голову или говорил что-нибудь слишком ласковое, он либо прогонял его как лъстеца, если допускало занимаемое этим человеком положение, либо громко смеялся, если достоинство человека не позволяло нанести ему более тяжкую обиду. (2) Приняв приветствия, он приглашал всех сенаторов посидеть с ним, но к этим приветствиям он допускал только честных и пользовавшихся доброй славой людей и велел объявить через глашатая (подобно тому как во время Элевзинских таинств говорят, что туда не должен вступать никто, кто не сознает себя чистым), чтобы не приходили приветствовать государя те, кто сознает себя вором, — иначе они, будучи изблечены, подвергнутся смертной казни. (3) Он запретил падать перед ним ниц, тогда как перед Гелиогабалом уже начали падать ниц, как это принято у персидских царей. (4) Кроме того, он высказал суждение, что только воры жалеют на свою бедность, желая этим приккрыть совершаемые ими в жизни преступления. (5) Он приводил по-гречески известное изречение о ворах, которое по-латыни значит: «Кто много наградил, немного дал защитникам, тот уцелеет».

⁶ Петер читает «...плохим правителем народа...»; Худеманн: «...бедствием для народа является тот император...».

XIX. (1) Префекта претория он назначил себе в соответствии с авторитетным суждением сената. Префекта Рима он получил от сената. Вторым префектом претория он назначил того, кто даже бежал, чтобы не быть назначенным; при этом Александр сказал, что на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается. (2) Нового сенатора он никогда не назначал, не посоветовавшись со всеми присутствовавшими сенаторами, так что тот избирался голосами всех и о нем давали показания самые высокопоставленные люди. Если же те, кто давал показания или высказывал мнение, обманывали, то впоследствии они низводились в самый последний разряд граждан — после осуждения их как подсудимых, уличенных в обмане, причем не допускалось смягчения наказания. (3) Он же назначал сенаторов только по ходатайству людей, занимавших высшие должности в Палатинском дворце, говоря, что тот, кто назначает сенатора, должен быть большим человеком. (4) Вольноотпущенников он никогда не вводил в сословие всадников, утверждая, что сословие всадников — это питомник сенаторов.

XX. (1) Он был столь выдержанным, что никого не прогонял от себя, со всеми обращался ласково и приветливо, посещал своих заболевших друзей не только первого и второго ранга, но и занимавших более низкие места. Он хотел, чтобы все высказывали ему свободно, что они думают, и выслушивал то, что говорилось. (2) Выслушав, он вводил улучшения и исправления, как того требовали обстоятельства дела. Если же что-нибудь было сделано не совсем хорошо, то он и сам указывал ошибки, притом без высокомерия и злобы в сердце. Он всегда собирал у себя всех, за исключением тех, кого преследовала упорная молва об их воровстве. Об отсутствовавших он всегда спрашивал. (3) Всякий раз, как мать его Маммея — и жена Меммия, дочь консулара Сульпиция, внучка Катула, упрекая его в излишней вежливости, говорили ему: «Ты сделал свое правление слишком мягким и не внушающим уважения к власти», он отвечал: «Зато — более спокойным и более продолжительным». (4) В сущности, не проходило ни одного дня, чтобы он не совершил какого-нибудь поступка, в котором не проявились бы кротость, любезность, благочестие, и при этом он не разорял государственного казначейства.

XXI. (1) Он приказал накладывать штраф в редких случаях, а если его накладывали, он относился к этому неодобрительно. Он передал городам налоги с тем, чтобы они пошли на их собственные постройки. (2) Государственный процент он брал в размере одной трети процента в месяц; при этом многим бедным людям он давал деньги без процентов для покупки земель, с тем чтобы уплата производилась из доходов. (3) Своим префектам претория он присвоил сенаторское достоинство, чтобы они и были и назывались светлейшими. (4) Раньше это бывало редко или вообще еще не было введено в обычай, так что, если кто-нибудь из императоров хотел сменить префекта претория, он посылал ему с вольноотпущенником тогу с широкой пурпурной полосой. (5) Александр как передает в жизнеописаниях многих императоров Марий Максим. (6) Александр как передает в жизнеописаниях многих императоров Марий Максим. (5) Александр как передает в жизнеописаниях многих императоров Марий Максим. (6) Своих воинов, где бы они ни находились, он хорошо знал и даже имел в своей спальне их списки с обозначением численности и сроков службы военных; оставаясь один, он всегда просматривал их отчетность и данные о численности, звании и жаловании, чтобы иметь полные сведения обо всем. (7) Наконец, выступая среди военных по какому-нибудь делу, он многих называл по имени. (8) Он делал для себя заметки о том, кого следует продвинуть, часто перечитывал все листочки с записями; в соответствии с последними он и поступал, отмечая тут же дни, а также — по чьему предложению кто был повышен. (9) Он много помог снабжению провиантом римского народа: тогда как Геллиогабал растратил весь запас хлеба, Александр, произведя закупку на свои деньги, восстановил его в прежнем количестве.

XXII. (1) Для того чтобы торговцы охотно приезжали в Рим, он дал им величайшие льготы. (2) Он восстановил в полном размере выдачу народу масла, установленную Севером, — ее сократил Геллиогабал, предоставив должность префекта продовольственного снабжения самым негодным людям. (3) Право заключать брак в торжествен-

ной форме, которое этот грязный человек уничтожил, Александр восстановил для всех. (4) В Риме он устроил очень много механических сооружений. Он сохранил привилегии иудеям. Он терпимо относился к христианам. (5) Он настолько уважал понтификов, квиндецемвиров и авгуров, что позволил им вновь рассмотреть и разрешить иначе некоторые дела касательно священных обрядов, уже решенные и законченные им самим. (6) Наместников провинций, которых, по имеющимся у него сведениям, хвалили по заслугам все, а не только их приверженцы, он во время своих путешествий всегда возил с собой в своей повозке и награждал подарками, говори, что воров следует отстранять от государственных дел и делать их бедняками, а людей неподкупных — удерживать на государственной службе и делать богатыми. (7) Когда римский народ просил его о снижении цен, он спросил через глашатая, какой вид товара они считают дорогим. Все в один голос закричали: «Говядину и свинину». (8) Тогда он, не снижая цен, запретил убивать свиноматок, поросят-сосунков, коров, телят; не прошло и двух лет или даже одного года, как оказалось такое изобилие свинины и говядины, что, если прежде фунт продавался за восемь мелких монет, теперь цена того и другого вида мяса дошла до двух и даже до одной монеты за фунт.

XXIII. (1) Если при разборе дел, возбужденных воинами против трибунов, он находил кого-либо из трибунов виновным, то наказывал его без снисхождения соответственно с характером его проступка. (2) Обо всех он разузнавал через своих верных людей и через тех, о ком никто не знал, что они этим занимаются, так как, говорил он, всех можно подкупить взяткой. (3) Рабы у него всегда ходили в рабской одежде, вольноотпущенники — в одежде свободнорожденных. (4) Евнухов он исключил из своей прислуги и велел им служить на положении рабов у своей жены. (5) Тогда как Гелиогабал был рабом своих евнухов, Александр свел их к определенному числу и позволил им обслуживать в Палатинском дворце только женские дворцовые бани. (6) Тогда как Гелиогабал поставил очень многих евнухов во главе счетных и прокураторских ведомств, Александр отнял у них и прежние их звания. (7) Он говорил, что евнухи — люди третьего пола и что мужчины не должны ни видеть их, ни пользоваться их услугами, что это могут делать, пожалуй, только знатные женщины. (8) Человека, который давал пустые обещания, торгуя его именем, и получил от какого-то военного сто золотых, он велел распять на той дороге, по которой чаще всего ходили в загородные императорские имения его рабы.

XXIV. (1) Очень много легатских провинций он сделал наместническими; в проконсульских же провинциях он распоряжался, согласно с волей сената. (2) Он запретил устраивать в Риме смешанные бани; это было запрещено и раньше, но Гелиогабал разрешил. (3) Налог со сводников, блудниц и продажных мужчин он запретил вносить в священное казначейство и назначил его на государственные расходы по ремонту театра, цирка, амфитеатра, стадиона. (4) Он имел намерение запретить мужчинам торговать собою — то, что впоследствии осуществил Филипп, — побоялся, что открытый позор превратится после запрещения в скрытый разврат, так как люди, одержимые бешеными страстями, стремятся к недозволенному, особенно тогда, когда оно запрещено. (5) Он установил превосходный налог на портных, ткачей, стекольщиков, скорняков, слесарей, серебряных и золотых дел мастеров и других ремесленников и на эти деньги велел содержать для общего пользования термы, заложенные и им самим и прежними государями; он назначил и леса на нужды общественных терм. (6) Он увеличил отпуск масла для светильников в термах, тогда как прежде последние не открывались раньше рассвета⁷ и закрывались до захода солнца.

XXV. (1) Некоторые передают в своих сочинениях, что его правление было безкровным, но это было не так. (2) Ведь войны прозвали его Севером за его суровость, и в некоторых случаях он, накладывая наказания, оказывался слишком жестким. (3) Сооружения прежних государей он восстановил и сам выстроил много новых, в том числе — термы, носящие его имя, рядом с теми, которые называются Пероновыми, провел сюда водопровод, ныне называемый Александровым. (4) Рощу для своих терм

⁷ Конъектура Холя. Возможно другое чтение: «около 9 часов утра».

он устроил на частных владениях, скупив их и разрушив на них строения. (5) Он первый из императоров дал название ванне Океана, тогда как Траян этого не сделал, но назначил дни для ванны. (6) Термы Антонина Каракалла он закончил и украсил, добавив к ним портики. (7) Он первый осуществил во дворце александровский способ приращения мрамора, соединяя два вида мрамора — порфировый и лакедемонский, украсив такими мраморными плитами дворы в Палатинском дворце. (8) Собрав отовсюду художников, он расставил по городу колоссальные статуи. (9) Он выбил много монет с изображением Александра, некоторые — из золота, а больше всего — золотых. (10) Он запретил женщинам, имевшим дурную славу, приходить с приветствиями к его матери и жене. (11) В Риме он часто выступал на сходках с речами, подобно древним трибунам и консулам.

XXVI. (1) Три раза он произвел раздачу народу, три раза сделал войнам денежный подарок; он прибавил народу раздачу мяса. (2) Заботясь также о бедных, он сократил проценты ростовщиков до одной трети процента в месяц. (3) Сенаторам, если они занимались ростовщичеством, он сначала запретил брать проценты, разрешая брать что-либо только в качестве подарка, а потом позволил брать полпроцента в месяц, но отменил всякие дары. (4) Он поставил на форуме Траяна статуи выдающихся людей, перенеся их туда отовсюду. (5) Он оказывал большой почет Павлу и Ульпиану; одни говорят, что их назначил префектами Гелиогабал, а другие — что сам Александр. (6) Говорят, что Ульпиан был у Александра и советником, и начальником канцелярии; однако есть указания, что оба они были помощниками Палиппана. (7) Он соорудил базилику Александра между Марсовым полем и ограждениями Агриппы — шириной в сто футов, длиной в тысячу; вся она покоилась на колоннах. Закончить ее ему помешала преждевременная смерть. (8) Храм Изиды и Сераписа он украсил пристойным образом, добавив статуи, делосские изваяния и все то, что имеет отношение к таинствам этих божеств. (9) К своей матери Маммее он относился с исключительной почтительностью; так, в Риме он устроил в Палатинском дворце апартаменты имени Маммен, которые необразованный люд называет теперь «у Маммы»; в байской усадьбе он выстроил дворец с прудом, который и до сих пор еще именуется дворцом Маммен. (10) В байской усадьбе он воздвиг и другие великолепные сооружения в честь своих родственников и устроил изумительные пруды, провел воду из моря. (11) Мосты, построенные Траяном, он почти во всех местах восстановил, построил также несколько новых, а за восстановленными сохранил имя Траяна.

XXVII. (1) У него было намерение для всех ведомств и званий ввести особый род одежды, чтобы их можно было различать по одеянию, а также ввести особую одежду для рабов, чтобы их можно было различать в толпе народа — с той целью, чтобы помешать им поднимать мятежи, а вместе с тем — не давать рабам смешиваться со свободнорожденными. (2) Против этого, однако, возражали Ульпиан и Павел, говоря, что отсюда произойдет очень много раздоров, поскольку люди склонны наносить друг другу обиды. (3) Тогда он решил, что будет достаточно отличить римских владников от сенаторов качеством полой на тоге. (4) Он позволил старикам пользоваться зимой в случае холода теплыми верхними плащами, тогда как раньше этого рода одежду носили в дороге или во время дождя. Матронам же он запретил пользоваться в городе плащами, а в дороге — позволил. (5) Он был более силен в греческом красноречии, плащами, а в дороге — позволил. (5) Он был более силен в греческом красноречии, имел музыкальные способности, был свежелеп в латинском, писал пещельные стихи, имел музыкальные способности, был сведущ в астрологии и, по его приказанию, астрологи публично выступали в Риме и делали объявления о преподавании. (6) Он был очень опытен в искусстве гадальщиков, был прекрасным птицегадателем, так что превзошел и вавконов из Ионии и панионских гадателей. (7) Он занимался геометрией, изумительно рисовал, замечательно делал, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии, — свидетелями бывали только его рабы. (8) Он составил в стихах жизнеописание хороших императоров. (9) Он играл на лире, на флейте, на органе, также на трубе, но, став императором, перестал заниматься этим. Борцом он был первоестественным. (10) Он отличался в военном деле, так что вел много войн, и притом со славою.

XXVIII. (1) Он три раза вступал в должность консула — только ординарною —

и по истечении первого срока всегда ставил на смену других. (2) Он был весьма строгим судьей по отношению к вора́м; он отзывался о них, как о виновных в ежедневных преступлениях и карал их очень жестоко, называя их единственными врагами и недругами государства. (3) Одного писемоводителя, который представил лживое изложение одного судебного дела в императорский совет, он сослал, приказав подрезать ему жилы на пальцах так, чтобы он никогда больше не мог писать. (4) Когда некто из высокопоставленных, обвинявшийся в грязном образе жизни и даже в воровстве, пожелал, движимый чрезмерным честолюбием, занять важное положение в армии и ему удалось проникнуть туда благодаря содействию дружественных ему царей, он тут же, в присутствии своих покровителей, был изобличен в воровстве. Выслушать его было приказано царям, виновность его была доказана, и он был осужден. (5) Когда спросили у царей, какому наказанию присуждаются у них воры, они ответили: «К кресту». Согласно с их ответом, он и был распят. Так этот честолюбец был осужден приговором своих же покровителей, и Александр сохранил славу милостивого человека, которой он особенно дорожил. (6) По примеру Августа, который поместил на своем форуме мраморные статуи выдающихся людей с указанием их деяний, и Александр поставил на форуме божественного Первы, называемом Проходным, колоссальные статуи обожествленных императоров, либо пещи, обнаженные, либо конные — с надписями и медными колоннами, на которых были по порядку записаны их деяния. (7) Он хотел, чтобы его считали происходящим от римского племени, ему было стыдно, когда его называли сирийцем, особенно когда в какой-то праздник⁸ антиохийцы, египтяне и александрийцы осыпали⁹ его по своему обыкновенно насмешками, называя его сирийским архисинагогом и архиереем.

XXIX. (1) Прежде чем говорить о его войнах, походах и победах, я скажу несколько слов о его повседневной домашней жизни. Проводил он время следующим образом. (2) Прежде всего, если была возможность, то есть если он не спал с женой, он совершал утром священнодействие в своем помещении для ларов, где у него стояли изображения и обожествленных государей, только самых лучших, избранных, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, — Христос, Авраам, Орфей и другие подобные им, а равно и изображения предков. (3) Если же он не мог это делать, то, смотря по условиям местности, он либо катался, либо ловил рыбу, либо гулял, либо охотился. (4) Затем, если позволяло время, он после...немного занимался государственными делами, так как и военные, и гражданские дела, как сказано выше, рассматривались предварительно его друзьями, притом людьми безупречными, верными, ни в коем случае не подкупными. Рассмотренные дела он утверждал, если ему не было угодно принять какое-нибудь новое решение. (5) В случае надобности, он еще до рассвета начинал заниматься государственными делами и сидел до позднего часа; при этом он никогда не скучал, никогда не сидел мрачным или разгневанным, но всегда сохранял одинаковое выражение лица и был весел при всяких обстоятельствах. (6) Он отличался необыкновенной проницательностью, так что никто не мог обмануть его; а если кто-нибудь хотел ловко обойти его, того он сразу разгадывал и наказывал.

XXX. (1) После государственных дел, военных или гражданских, он с наибольшим усердием занимался чтением по-гречески; читал он книги Платона «О государстве». (2) Когда же он читал по-латыни, то больше всего читал сочинения Цицерона «Об обязанностях» и «О государстве»; иногда он читал и речи, и поэтов, в том числе Серена Саммоника, которого он лично знал и любил, а также Горация. (3) Прочитал он и описание жизни Александра, которому больше всего подражал, хотя и осуждал его склонность к пьянству и жестокость по отношению к друзьям, несмотря на то, что и тот и другой порок его стараются оправдать хорошие писатели, которым он часто верил. (4) После чтения он занимался борьбой или игрой в мяч, или бегом, или более легкими упражнениями, а затем, умастившись, купался, причем никогда не пользовался или

⁸ Конъектура Холя, данная в издании 1955 г.: festo.

⁹ Конъектура Петера и Холя: laccessiverant.

очень редко пользовался горячей ванной, а всегда купался в водоеме, оставаясь в нем почти целый час. Он даже пил патошак холодную воду из Клавдиева водопровода в количестве до одного сектария. (5) Выйдя из ванны, он съедал много хлеба и молока, яйца, затем пил вино, смешанное с медом. Подкрепившись этим, он иногда приступал к завтраку, а иногда откладывал принятие пищи до обеда, но чаще все-таки завтракал. (6) Он часто употреблял тетрафармакон Адриана, о котором говорит в своих книгах Марий Максим, когда рассказывает о жизни Адриана.

XXXI. (1) После полудня он занимался писанием заключений и чтением писем; при этом всегда присутствовали секретарь, докладчик по прошениям и обслуживающий память. Иногда, если по состоянию своего здоровья они не могли стоять, они сидели. Писцы или правители канцелярии прочитывали все, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным, руководясь при этом мнением того, кто считался наиболее красноречивым. (2) После писем он принимал всех друзей вместе и со всеми одинаково беседовал; никогда ни с кем он не виделся наедине, кроме своего префекта, именно — Ульпиана, который был раньше — ввиду своей необыкновенной справедливости — его помощником. (3) Если же он приглашал кого-либо другого, то приказывал призвать и Ульпиана. (4) Вергилия он называл Платоном поэтов и изображение его вместе с изображением Цицерона имел в своем втором помещении для ларов, где находились изображения Ахилла и других великих мужей. (5) Изображение же Александра Великого он почитал как святыню в большем помещении для ларов среди лучших и обожествленных мужей.

XXXII. (1) Никогда никого он не обидел ни из своих друзей и приближенных, ни из управителей и начальников дворцовых ведомств. (2) К префектам он всегда относился с уважением, утверждая, что тот, кто заслуживает обиду со стороны императора, должен быть осужден, а не оставлен. (3) Смещая кого-либо из начальственных лиц, он добавлял: «Государство благодарит тебя». При этом он одаривал его, так что тот, став частным человеком, мог жить вполне прилично сообразно со своим положением; дарами были — земля, быки, лошади, хлеб, железо, средства на постройку дома, мрамор для его отделки и другие материалы, которых требовал характер постройки. (4) Золото и серебро он редко уделял кому-нибудь, за исключением воинов, говоря, что человек, ведающий расходом государственных средств, не имеет права обращать на свои удовольствия и удовольствия своих приближенных то, что доставили провинциалы. (5) Золото, получаемое в качестве налога с торговцев, и вечное золото, он сложил с Рима.

XXXIII. (1) Он назначил в Риме четырнадцать попечителей города — из бывших консулов. Им он приказал разбирать городские дела вместе с префектом Рима, причем при рассмотрении дел требовалось присутствие всех или большинства. (2) Он учредил корпорации виноторговцев, продавцов бобов, сапожников и вообще корпорации всех ремесел, назначил им защитников из их среды и указал, какие из них подсудны каким судьям. (3) Актерам он никогда не дарил ни золота, ни серебра; с большой неохотой дарил он им деньги. Он отнял драгоценные одежды, розданные Гелиогабалом. Воинов, которых называют показными, он одевал в одежды не драгоценные, но красивые и блестящие; он не назначал большого количества золота и шелка на знаки отличия и парекую обстановку, утверждая, что власть заключается в доблести, а не во внешнем убранстве. (4) Он снова ввел в свое личное употребление грубошерстные хламиды Севера и туники без пурпура или с длинными рукавами, а также алые и пурпурные небольшие греческие плащи.

XXXIV. (1) Он не признавал золота на пирах. Бокалы у него были всегда недорогие, но изящные. Вес его серебряной посуды никогда не превышал двухсот фунтов. (2) Карликов, карлиц, дураков, продажных мужчин с голосовыми данными, великих виртуозов и пантомимов он подарил народу. Тех, кого нельзя было использовать, он роздал поодиночке на прокормление отдельным городам, чтобы жители последних не испытывали неприятного чувства при виде нищих. (3) Евнухов, которых Гелиогабал держал для участия в его позорных совещаниях и выдвигал на должности, он раздарил друзьям; при этом он вынес решение: если они не возвратятся к добрым

правам, их разрешается убить без приговора суда. (4) Распутных женщин, огромное число которых он нашел во дворце, он приказал предоставить народу, а продажных мужчин, с которыми тот негодий¹⁰ обычно предавался мерзейшему разврату, он отправил в ссылку, причем некоторые из них утонули во время кораблекрушения. (5) Ни один из его слуг не носил золоченой одежды даже на парадных пирах. (6) Когда он пировал среди своих, то приглашал либо Ульпиана, либо ученых людей для просвещенных бесед, которые, как он говорил, восстанавливали его силы и питали его. (7) Когда он пировал в домашней обстановке, у него на столе была книга, и он читал, чаще—по-гречески. Однако он читал и латинских поэтов. (8) Его парадные пиры отличались той же простотой, что и частные; увеличивалось лишь количество полукруглых лож и число сотрапезников, что было ему неприятно: он говорил, что ест в театре или в цирке.

XXXV. (1) Он охотно слушал авторов и поэтов, если они произносили не панегирики ему (это он, по примеру Нигра Песценния, считал глупым), а речи или воспевали деяния древних, но охотнее он слушал, если кто-либо произносил похвальное слово в честь Александра Великого или хороших государей прежних времен, или великих мужей города Рима. (2) Он часто приходил в Атеней, чтобы послушать греческих и латинских риторов и поэтов. (3) Он слушал также судебных ораторов, излагавших дела, которые они вели перед ним или перед префектами Рима. (4) Он председательствовал на состязании, главным образом — на Геркулесовом, в честь Александра Великого. (5) После полудня или в утренние часы он никогда не видался с некоторыми лицами наедине, так как узнал, что они наговорили о нем много лжи, — в частности, с Верконием Туринном. (6) Прежде он считал его в числе своих друзей, но тот, выдумывая всякие небылицы, бесславил власть Александра, изображая его глухим человеком, которого он держит в своих руках и которому он многое внушает; многих он таким образом убедил в том, что Александр во всем поступает согласно с его указаниями.

XXXVI. (1) Наконец, Александр поймал его, прибегнув к следующей хитрости. Он подослал к Турину одного человека, который должен был при всех просить о чем-то Александра, а тайно искать поддержки у Турина, чтобы тот наедине замолвил за него слово перед Александром. (2) Так и было сделано: Турин обещал свое содействие и сказал, что он кое о чем уже переговорил с императором (хотя на самом деле он ничего не говорил) и что будто бы от него зависит получение желаемого; при этом он назначил цену за успешное окончание дела. Тогда Александр приказал человеку повторить свою просьбу, и Турин, словно занятый чем-то другим, знаками дал понять ему, что дело сделано, а между тем он во дворце ничего не сказал. Просимое было получено, и Турин, продавец дыма, получил огромную награду от человека, чья просьба была удовлетворена. За это Александр приказал предать Турина суду и, после того как его виновность была доказана показаниями всех свидетелей — как тех, в чьем присутствии он получил взятку, так и тех, кто слышал его обещания, — он приказал привязать его к столбу на Проходном форуме и умертвить, напустив на него дым от зажженной соломы и сырых дров, при чем глашатай объявил: «дымом наказывается тот, кто торговал дымом». (3) А чтобы не казалось, что он наложил жестокое наказание за одну провинность, Александр произвел — до осуждения Турина — тщательное расследование и нашел, что Турин часто брал взятки от обеих сторон в судебных делах, благоприятный исход которых он продавал, а также от всех, кто получал руководящие посты или провинции.

XXXVII. (1) Он часто посещал зрелища, но очень скупо одаривал их участников и говорил, что актеров, охотников и возниц следует содержать так, как наших рабов или охотников, или погонщиков мулов, или тех, кто обслуживает наши удовольствия. (2) Стол у него был не слишком обильным и не слишком скудным, но в высшей степени опрятным. Постлались чистые скатерти — чаще с алой полосой, но никогда не золоченые, хотя последние употреблял уже Гелиогабал, а раньше, как утверждают некоторые, — Адриан. (3) На стол ежедневно отнескалось: вина на целый день тридцать сек-

¹⁰ Гелиогабал.

старше, чистого хлеба — тридцать фунтов, следующего по качеству хлеба для раздачи — пятьдесят фунтов. (4) Он ведь всегда собственноручно выдавал распорядителям стола и хлеб, и порции овощей, мяса, стручков, исполняя роль хозяина дома и действуя при этом вполне зрело, словно старец. (5) Назначалось и тридцать фунтов разного мяса и два петуха. (6) По праздничным дням подавался и гусь, а в январские календы, в гиларии Матери богов, в Алоллоновы игры, в пиршество Юпитера, в сатурналии и тому подобные праздничные дни — фазан, а иногда и два, причем добавлялись еще два петуха. (7) У него ежедневно был к столу заяц — часто его охотничья добыча, но он делился ею с друзьями, особенно с теми, которые, как он знал, не могли иметь ее сами. (8) Богачам он никогда не посылал таких подарков, но всегда сам от них получал. (9) Ежедневно у него было четыре секетария вина, смешанного с медом без перца и два с перцем. Чтобы не растягивать своего изложения перечислением всего того, что Гаргиллий, историк его времени, дает во всех подробностях, скажу: все у Александра выдавалось по мерке и счету. (10) Он питал сильное пристрастие к фруктам; они часто подавались у него на десерт, откуда и возникла шутка: у Александра не десерт, а плодородное блюдо¹¹. (11) Сам он подкреплялся большим количеством пищи; вина пил не мало и не много, а вполне в меру. (12) Он всегда пил чистую холодную воду, а летом — с вином, приправленным розами; это одно он сохранил из всех видов приправленного вина, употреблявшихся Гелиогабалом.

XXXVIII. (1) И так как я упомянул о зайцах в связи с тем, что у него ежедневно был к столу заяц, то я добавлю следующее. Появилось шутливое стихотворение, — вследствие того, что многие говорят, будто те, кто поел зайца, бывают красивы в продолжение семи дней. Об этом говорится в эпиграмме Марциала, которую он написал на некую Геллию:

(2) «Геллия, зайца всегда ты мне шлешь вместе с приказом:
«Семь наступающих дней будешь красавцем ты, Марк!
Ежели, Геллия, впрямь правдиво твое указанье
Значит сама никогда зайца не кушала ты»¹².

(3) Но эти стихи Марциал сочинил против женщины, которая была безобразна, поэт же времени Александра написал на него следующее:

(4) «Что красив, как ты видишь, наш правитель.
(А родился сирийцем безобразным)
Тут причиной охота: ест он зайцев,
Красоты постоянной вот источник»¹³.

(5) Когда один из его друзей сообщил ему эти стихи, он, говорят, ответил на них греческими стихами такого содержания:

«Что красив, ты считаешь, ваш правитель,
(Сказке следуя пошлой, о несчастный),
— Если вправду считаешь, не сержусь я.
Но прошу тебя, ешь зайчат побольше,
Чтоб душа, исцеляясь от зол, прекрасной
Стала, зависти низкой дух не знал бы».

XXXIX. Когда у него бывали друзья-военные, то, чтобы соблюсти обычай, введенный Траяном, — выпивать после десерта до пяти бокалов вина, он предлагал друзьям только один бокал — в честь Александра Великого, да и то не очень вместительный, разве только кто-нибудь прямо потребует большего — это дозволялось. (2) Делами Венеры он занимался очень умеренно; от продажных мужчин он был до такой степени далек, что даже, как мы сказали выше, хотел предложить против них

¹¹ Можно прочесть иначе: «у Александра — не десерт, а обильный обед».

¹² Mart., V, 29.

¹³ Оба стихотворения основаны на непереводимой игре слов: *lērōs*, *ōrīs*, *m* — «красота»; *lērūs*, *ōrīs*, *m* — «заяц».

закон. (3) Во всех районах Рима он устроил общественные зернохранилища, куда сносили свое добро те, кто не имел для хранения его собственных амбаров. (4) Он добавил бани — во всех районах, которые их почему-либо не имели; ведь и ныне еще многие бани называются банями Александра. (5) Он построил прекрасные дома и подарил их своим друзьям — людям, отличавшимся особенной неподкупностью. (6) Государственные подати он уменьшил до такого размера, что те, кто при Гелиогабале платили десять золотых, теперь платили одну треть золотого, то есть тридцатую часть прежнего. (7) Тогда впервые были отчеканены золотые монеты половинного размера. Тогда же, когда подать была уменьшена до одной трети золотого, были отчеканены и трети золотых, причем Александр говорил, что будут и четверти золотых, так как чеканить более мелких монет он не может. (8) Отчеканенные уже четверти золотых он задержал на монетном дворе с тем, чтобы выпустить их, если окажется возможным дальнейшее уменьшение подати. Но так как нужды государства не позволили ему этого, он приказал перелить их и чеканить только трети и цельные золотые. (9) Монеты в два, три, четыре золотых, а также в десять и более, вплоть до фунтовых и сотенных, которые придумал Гелиогабал, Александр приказал перелить и совершенно изъять из употребления. (10) С этого времени монетам и было дано название от металла; Александр говорил, что причиной большей щедрости императора является то, что он, имея возможность дать много цельных меньшего размера золотых, но давая их десять и больше в виде одной монеты, тем самым принужден был давать тридцать, пятьдесят и сто золотых.

XL. (1) Сам он имел мало шелковых одежд; одежду из чистого шелка он никогда не надевал, а полуншелковую никогда не дарил. (2) Он не завидовал ничьему богатству. Бедным помогал. Если он видел, что высокопоставленные люди действительно бедны, не вследствие расточительности и не притворно, он всегда наделял их многими благами — землей, рабами, животными, стадами, сельскохозяйственными орудиями. (3) Хранить одежду в кладовых больше года он никогда не позволял и приказывал немедленно пустить ее в ход. Всею одеждою, которую он дарил, он сам осматривал. (4) Все золото и серебро он часто перевешивал. (5) Одновременно с прочей военной одеждой он дарил поножи, брюки и обувь. (6) Он самым тщательным образом следил за тем, чтобы самый яркий пурпур, которого сам он не употреблял, продавался для матрон, имевших возможность и желавших покупать его; поэтому и доныне зовется александровым тот пурпур, который обычно зовется пробовым, так как Аврелий Проб, начальник красильни, открыл этот вид пурпуровой улитки. Сам он часто носил алую хламиду. (7) Но в Риме и в городах Италии он был всегда в тоге. (8) Претексту и тогу, украшенную вышивками, он надевал только будучи консулом, притом такую, какую получали из храма Юпитера и другие преторы и консулы. (9) Он надевал претексту и тогда, когда совершал священнодействия, но не в качестве императора, а в качестве великого понтифика. (10) Он был любителем хорошего, и притом чистого, полотна; он говорил: «Если льняное полотно существует для того, чтобы в нем не было никакой шероховатости, то для чего окрашивать полотно пурпуром?» (11) Вводить туда золото он считал¹⁴ даже безумием, так как к шероховатости в этом случае добавляется еще жесткость. Ноги его были всегда в обмотках. Брюки он носил белые, а не алые, как это было в обычае раньше.

XLI. (1) Все имевшиеся драгоценные камни он продал и деньги внес в государственную казну, говоря, что драгоценные камни не нужны мужчинам, а матроны царствующего дома должны довольствоваться одной головной сеткой, серьгами, жемчужным ожерельем, венцом, — когда они совершают жертвоприношения, единственным греческим плащом, усыпанным золотом, и цикладой, на которой не больше шести унций золота. (2) Вообще его собственные права делали его цензором его времени. Ему подражали вельможи, а его жене — благороднейшие матроны. (3) Придворную прислугу он сократил с таким расчетом, чтобы в отдельных ведомствах было столько человек, сколько требует необходимость, так что сукновальщики, закройщики, пекари,

¹⁴ Конъектура Холя, данная в издании 1955 г.: *iudicabat*.

виночерпии, все дворцовые слуги получали не звание, как в свое время установила его та язва, а продовольственный паек, притом в ординарном размере, редко в двойном. (4) Ввиду того, что серебряной посуды у него было не более двухсот фунтов и не слишком много слуг, то, устраивая угощение, он брал столовое серебро, слуг и скатерти у друзей. Так делается и в настоящее время, если в отсутствие императора угощение устраивают префекты. (5) Он никогда не устраивал в качестве развлечения во время пира театральные зрелища; самой большой забавой были для него игры щенят с поросятами или бой куропадок, или порханье вверх и вниз маленьких галок. (6) У него был в Палатинском дворце один вид развлечения, доставлявший ему величайшее удовольствие и отдых от государственных забот, (7) а именно: он устроил птичники для павлинов, фазанов, кур, уток, а также для куропадок; птицы очень забавляли его, в особенности голуби, которых у него было, говорят, до двадцати тысяч. А чтобы их пропитание не ложилось тяжелым бременем на продовольственные запасы государства, у него были рабы на оброке, которые кормили их на средства, получавшиеся от продажи яиц, дыплят и голубят.

XLII. (1) Термами как своими, так и построенными прежними императорами, он часто пользовался вместе с народом, главным образом — летом, и возвращался оттуда во дворец в купальном костюме; единственным знаком его императорского достоинства было то, что он брал с собой алого цвета плащ. (2) Скороходами были у него только его рабы, причем он говорил, что свободнорожденный должен бегать только на священных состязаниях; повара, пекари, сукновальщики, банщики — только из рабов, если их не хватало, то он покупал новых. (3) При нем получал содержание только один придворный врач; все прочие, которых было до шести, получали продовольственный паек в двойном и тройном размере, притом — по одному хлебу чистому, а остальные иного вида. (4) Выдвигая людей на должность судей, он, по примеру древних, как учил и Цицерон, снабжал их серебром и всем необходимым, так что наместники провинций получали по двадцати фунтов серебра, по шести мулиц, по два мула, по две лошади, по две выходных одежды, по две домашних, одну купальную, сто золотых, одного повара, одного погонщика мулов; если они не были женаты, то — по одной наложнице, так как без последних они не могли обходиться. По сложении с себя должности они должны были возвратит мулиц и мулов, лошадей, погонщиков мулов и поваров, а все прочее сохраняли при себе, если хорошо исполняли свои обязанности; если же — плохо, то возвращали в четверном размере — с добавленным осуждения за казнокрадство или вымогательство.

XLIII. (1) Он установил бесчисленное количество законов. Всем сенаторам он позволил иметь в Риме выложенные серебром парадные колесницы и дорожные повозки, считая важным для римского достоинства, чтобы в них ездили сенаторы столь великого города. (2) Всех назначаемых им консулов как ординарных, так и сменяющих, он ставил, руководствуясь мнением сената, сокращая их издержки; сроки¹⁵ он установил согласно старинному порядку (либо дни, либо время). (3) Он приказал, чтобы квесторы-кандидаты устраивали народу зрелища на свой счет, но при этом они после квесторства получали преторство, а затем управляли провинциями. (4) Он учредил должность кассиров, которые должны были устраивать зрелища, притом скромные, на средства кассы императорского казначейства. Он намеревался распределить зрелища на весь год так, чтобы зрелище народу давалось в продолжение тридцати дней, но почему он этого не сделал — остается неизвестным. (5) Когда он находился в Риме, то через каждые семь дней он поднимался на Капитолий, часто посещал храмы. (6) Он хотел построить храм Христу и принять его в число богов. Об этом, говорят, думал и Адриан, который приказал построить во всех городах храмы без изображений богов; они и поныне называются храмами Адриана, так как не имеют божества; он, говорят, с этой целью и построил храмы. (7) Но этому воспротивились те, кто, справившись в священных изречениях, нашли, что, если он это сделает, все станут христианами и прочие храмы будут заброшены.

¹⁵ Возможен другой перевод: «рыночные дни».

XLIV. (1) Александр был очень мил в своих шутках, любезен в беседах и так приветлив на пирах, что каждый мог требовать себе, чего хотел. (2) Золото он старательно собирал, тщательно хранил, ревностно искал, но при этом никого не разорял. (3) Он не хотел, чтобы его называли сирийцем, но хотел считаться потомком римлян и изобразил свою родословную таким образом, что она показывала происхождение его рода от Метеллов. (4) Он установил содержание риторам, грамматикам, врачам, гарусникам, астрологам, механикам, архитекторам и назначил им аудитории. Он приказал дать им учеников из сыновей бедняков с назначением этим ученикам продовольственного пайка, лишь бы они были свободнорожденными. (5) И в провинциях он выказывал большое уважение к судебным ораторам, многим назначил даже продовольственный паек, но приказал им вести дела бесплатно. (6) Он подтвердил старые и новые законы и сам тщательнейшим образом соблюдал их. Он часто посещал театральные зрелища. (7) Театр Марцелла он хотел восстановить. (8) Многим городам, которые после землетрясения лежали в развалинах, он дал денег из податных сумм на восстановление общественных и частных сооружений. (9) В храмы он никогда не делал вкладов, превышавших четыре или пять фунтов серебра, золота же не давал ни крупицы, ни листика, повторяя про себя стих Флакция Персия¹⁶ :

«к чему ваше золото храмам?»

XLV. (1) Он совершал военные походы, о которых я расскажу в своем месте. Однако сначала я скажу, о чем он имел обыкновение умалчивать и о чем объявлять. (2) Держались в секрете военные тайны, о днях же его выступлений в поход заранее открыто объявлялось, так что уже за два месяца вывешивался эдикт, в котором было написано: «В такой-то день, в такой-то час я выступлю из Рима и, если будет угодно богам, остановлюсь у первой остановки». Затем перечислялись по порядку остановки, затем — лагерные стоянки, затем места, где следует получить продовольствие, и так далее, вплоть до границ с варварами. (3) С этого же места начиналось молчание, и все шло в неведение, чтобы варвары не знали планов римлян. (4) И действительно, он никогда не обманывался в своих предположениях, говоря, что не желает, чтобы его придворные торговали его распоряжениями. Так было при Гелиогабале, когда евнухи торговали всем. (5) Эта порода людей желает знать все придворные тайны, чтобы казаться единственными сколько-нибудь осведомленными и иметь средства для приобретения влияния или денег. (6) И так как речь зашла об обнаружении распоряжений, то я добавлю следующее: когда он хотел дать провинциям правителей или поставить начальников и прокураторов, то есть счетных чиновников, он объявлял их имена и предлагал всякому, кто обвиняет их в чем-либо, доказать свое обвинение явными уликами, — если же они не докажут своего обвинения, то сами подлежат смертной казни. (7) Он говорил, что раз христиане и иудеи поступают таким образом, заранее оглашая имена тех, кто должен быть поставлен в священники, то тем более необходимо делать это в отношении правителей провинций, которым доверяется состояние и жизнь людей.

XLVI. (1) Он назначил содержание помощникам должностных лиц. Впрочем, он часто говорил, что выдвигать нужно тех, кто может вести государственные дела самостоятельно, а не через помощников. При этом он добавлял, что у военных — свой круг деятельности, у образованных людей — свой, и поэтому каждый должен делать то, что знает. (2) Найденные клады он дарил тем, кто их нашел. Если ж клады были значительны, то он предлагал нашедшим поделиться с его домашними слугами. (3) Он обдумывал и делал себе записи — кому он что дал. Если он знал, что кто-нибудь ничего не просил у него или просил немного, чтобы улучшить свое положение, то призывал такого человека и говорил ему: «Почему ты ни о чем меня не просишь? Не хочешь ли ты сделать меня своим должником? Проси, чтобы не жаловаться потом, что ты от меня ничего не получил». (4) В порядке благоденствия он давал то, что не вредило его доброй славе — имущество наказанных, но при этом никогда не дарил золота, серебра или драгоценных камней, так как все это он вносил в государственную казну; давал он

¹⁶ Pers., Sat., II, 69.

должности начальников в гражданском управлении (но не у воинов), давал и административные посты, относящиеся к прокуратурам. (5) Счетных чиновников он быстро менял, так что никто из них не выслуживал¹⁷ больше года. Даже если они были хороши, он ненавидел их, называя неизбежным злом. Должности наместников, проконсулов и легатов он никогда не давал в качестве благодарения, но всегда — руководствуясь либо собственным суждением, либо суждением сената.

XLVII. (1) Питание воинов во время похода он организовал так, что они получали продовольствие на остановках и не носили с собой, как это обычно делается, съестных припасов на семнадцать дней. Исключение делалось только в варварской стране, но и там он помогал им мулами и верблюдами; при этом он говорил, что воинов он оберегает больше, чем самого себя, так как благополучие государства зависит от них. (2) Больных воинов, даже самых младших, он сам навещал в палатках, возил в крытых повозках и помогал им всем необходимым. (3) Если они заболели очень тяжело, он распределял их по городам и поместьям у наиболее уважаемых отцов семейств и у безупречных матрон. Понесенные последними расходы он возмещал независимо от того, выздоравливали ли воины или умирали.

XLVIII. (1) Когда некий Овиний Камилл, сенатор из древней фамилии, человек очень изнеженный, задумал, стремясь к тирании, поднять против него восстание, и об этом было донесено Александру, причем вина сразу же была доказана, — Александр пригласил его в Палатинский дворец, поблагодарил его за то, что тот добровольно принимал на себя заботу о государстве, от которой отказываются хорошие люди, когда ее на них возлагают, (2) затем отправился с ним в сенат и назвал его там участником верховной власти, между тем как тот был в ужасе и чуть ли не умирал от сознания своей великой дерзости. Затем Александр принял его в Палатинском дворце, пригласил на пир и наделил знаками императорского достоинства, да еще лучшими по сравнению с теми, какие носил он сам. (3) Когда же был объявлен поход против варваров, он убеждал его либо идти самому, если желает, либо отправиться вместе с ним. (4) Так как сам он совершал путь пешком, то и Овинию предложил потрудиться. Тот, пройдя пять миль, стал отставать; тогда Александр приказал ему сесть на коня. Когда же после двух переходов тот устал и от верховой езды, Александр посадил его в крытую повозку. (5) Тот отказался и от этого — из страха или вполне искренне, причем даже отрекся от власти и готовился к смерти, а Александр отпустил его; препоручив его воинам, которые питали особенную любовь к Александру, он приказал ему спокойно отправиться в свои имения, где тот еще долго прожил. (6) Впоследствии, однако, он был убит — по приказу¹⁸ императора Максимина¹⁹ — на том основании, что и он — военный человек, и Александр был убит воинами. Я знаю, что народная молва связывает приведенный мною случай с Траяном, однако в жизнеописании последнего ни Марий Максим, ни Фабий Марцеллин, ни Аврелий Вер, ни Стаций Валент, описавшие всю его жизнь, не рассказали этого случая. (7) Наоборот, и Септимин, и Ахоллий, и Энколлий, описавшие жизнь Александра, и прочие писатели сообщили это об Александре. Я добавил это для того, чтобы никто не полагался на народную молву больше, чем на историю; последняя оказывается, во всяком случае, вернее народной молвы.

XLIX. (1) Он никогда не допускал продажи почестей, добываемых мечом. Он говорил: «Кто покупает, тот неизбежно и продает. Я не терплю торговцев полномочиями и тех, кого я не мог бы осудить, если бы они занялись торговлей. Ведь мне стыдно наказывать человека, который купил и продал». (2) Он установил почетные звания понтификов, квиндецемвиров и авгуров, притом таким образом, что о назначениях доводилось²⁰ до сведения сената. (3) Дексипп сказал, что Александр женился на дочери некоего Макриана и нарек последнего Цезарем; (4) когда же Макриан задумал коварным образом убить Александра и интрига была обнаружена, Макриан был казнен, а жена

¹⁷ Конъектура Холя в издании 1955 г.: *conplerent*.

¹⁸ Салмазий читает: «против воли» (*iniussu*).

¹⁹ Конъектура Гелэма: *Maximini*.

²⁰ Холь читает: *ablegarentur*; Иордан, Петер и др: *allegarentur*.

Александра отвергнута. (5) Он же говорит, что Гелиогабал приходился Александру дядей по отцу и не был сыном сестры его матери. (6) Когда христиане заняли какое-то место, раньше бывшее общественным, а трактирщики возражали против этого, выставив свои притязания, Александр в своем рескрипте написал: «лучше пусть так или иначе совершается поклонение богу, чем отдавать это место трактирщикам».

L. (1) Таким выдающимся и превосходным императором он был в своей домашней и общественной жизни, когда он начал парфянский поход. Он провел его при такой дисциплине, таком уважении к императору, что можно было бы сказать, — поход совершают не воины, а сенаторы. (2) Всюду, где проходили легионы, трибуны были всегда молчаливы, центурионы скромны, воины вежливы. На самого Александра за все эти столь многочисленные и великие благодеяния провинциалы смотрели как на бога. (3) Да и сами воины любили молодого императора как брата, как сына, как отца. Они были прекрасно одеты, обуты даже красиво, великолепно вооружены, обеспечены конями с отличными уздечками и седлами. Вообще, всякий, кто видел войско Александра, понимал, что такое Римское государство. (4) И сам он старался казаться достойным своего великого имени и — мало того — превзойти великого македонянина. Он говорил, что должна быть большая разница между римским Александром и македонским. (5) Он создал себе отряд среброщитников и золотощитников, создал и фалангу из тридцати тысяч воинов, которых приказал называть фалангариями, и с ними очень успешно действовал в Персидской земле. Фаланга состояла из шести легионов, одинаково вооруженных; после Персидской войны они получали повышенное жалование.

LI. (1) Дары от царей он помещал в храмах. Преподнесенные ему драгоценные камни он продал, полагая, что владеть драгоценными камнями — женское дело: их нельзя раздать воинам, и мужчине нельзя их иметь. (2) Когда какой-то посол преподнес его жене через него же самого две жемчужины огромного веса и небывалой величины, он приказал продать их. (3) Ввиду невозможности установить их цену он предназначил их на серьги Венере, — чтобы царица, если она будет пользоваться тем, чего нельзя купить, не подавала дурного примера другим. (4) Опекуном его был Ульпиан, причем мать сначала была против этого, а потом была благодарна Ульпиану. Александр часто защищал его от гнева воинов, прикрывая его своей порфирой. Если он стал великим императором, то именно потому, что правил государством, руководясь советами Ульпиана. (5) Готовясь к бою и во время походов, он завтракал и обедал в раскрытых палатках, причем ел солдатскую пищу на виду у всех и ко всеобщему удовольствию. Он обходил почти все палатки и никому не позволял отлучаться из части. (6) Если кто-нибудь сворачивал с дороги в чье-нибудь владение, то — в зависимости от достоинства этого владения — подвергался в его присутствии наказанию палками или розгами или же — штрафу; если же такие наказания были несовместимы с высоким положением виновного, Александр обращался к нему с самыми тяжким упреками. Он говорил: «А ты хочешь, чтобы на твоей земле было сделано то, что ты делаешь у другого?» (7) Он часто повторял слова, которые он запомнил, услышав их от каких-то иудеев или христиан, и наказывая кого-либо, приказывал глашатаю говорить: (8) «Не делай другому того, чего не хочешь самому себе». Он так любил это изречение, что приказал написать его в Палатинском дворце и в общественных сооружениях.

LII. (1) Услышав о том, что воин обидел какую-то старушку, он лишил его воинского звания и отдал ей в рабы, чтобы тот кормил ее, так как он был тележным мастером. Эта мера огорчила воинов, но Александр убедил всех спокойно отнестись к ней и пригнул их. (2) Хотя он был жестким и непреклонным, но правление его названо было *αλιματον*, бескровным, так как он не предал смерти ни одного сенатора, как рассказывает греческий историк Геродиан в истории своего времени. (3) Он был так строг по отношению к воинам, что часто кассировал целые легионы, называя воинов не воинами, а квириатами. Он никогда не боялся войска, потому что в его жизни его нельзя было упрекнуть в том, что трибуны или военные начальники утаивали что-нибудь из жалования воинов. Он говорил: «Воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе» — ведь нищенство воина доводило вооруженного человека до самых отчаянных поступков. (4) Он позволял трибунам и военным начальникам

иметь обслуживающий персонал только из воинов и приказал, чтобы перед трибуном шло четверо воинов, перед военным начальником — шестеро, перед легатом — десятеро и чтобы они брали этих воинов в свои дома.

LIII. (1) Чтобы можно было ясно представить себе его строгость, я счел необходимым привести здесь одну его речь на солдатской сходке; она показывает, как он смотрел на военное дело. (2) Когда он прибыл в Антиохию и ему сообщили, что воины проводят время в банях, с женщинами, в наслаждениях, он приказал всех их схватить и заключить в оковы. (3) Когда весть об этом распространилась, поднялся мятеж среди воинов того легиона, сотоварищи которых были заключены в оковы. (4) Тогда он поднялся на трибуну, к трибуне были приведены все заключенные в оковы и он, окруженный воинами, притом вооруженными, начал так: 5) «Соратники,— впрочем соратники только в том случае, если вы не одобряете поступков ваших товарищей,— дисциплина предков охраняет существование государства. Если она поколеблется, мы потеряем и имя римлян и империю. (6) Под нашей властью не должно происходить то, что делалось недавно при той грязной скотине. (7) Римские воины, ваши товарищи, мои товарищи и соратники, занимаются любовью, пьянствуют, купаются по греческому обычаю и предаются роскошной жизни. Неужели я буду дольше терпеть это? Неужели я не предаю их казни?» (8) После этих слов поднялся шум. Тогда он продолжал: «Что же вы не можете удержать вашего крика? На войне он нужен против врага, а не против вашего императора. (9) Ваши инструкторы научили вас, конечно, издавать его против сарматов, германцев, персов, а не против того, кто дал вам полученное от провинциалов продовольствие, дал одежду, дал жалованье. (10) Итак, удержите ваш дикий крик, нужный на поле битвы и на войне, чтобы я сейчас же не распустил вас всех одним движением уст и одним словом: квивиты. Да и неизвестно, квивиты ли вы еще. (11) Ибо вы недостойны принадлежать даже к римскому простому народу, раз вы не признаете римского закона».

LIV. (1) И так как воины стали шуметь еще сильнее и даже угрожать ему оружием, он сказал: «Опустите ваши руки, которые должны быть подняты против врага, если вы храбры, ибо меня это не пугает. (2) Ведь если вы убьете одного человека, то останется еще государство, останется сенат, останется римский народ,—они отомстят за меня». (3) Так как воины и после этого продолжали шуметь, он воскликнул: «Квивиты, разойдитесь и сложите оружие!». (4) Изумительное дело — все сложили оружие, сбросили даже военные плащи и ушли не в лагерь, а на разные постоянные дворы. (5) Тогда-то впервые и стало ясно, какое значение имеет его строгость. (6) Его свита и те, кто окружал императора, принесли в лагерь значки, а народ, собрав оружие, понес его во дворец. (7) Раскассированный же легион Александр после долгих просьб через тридцать дней, перед отправлением в персидский поход, восстановил в его прежнем виде. Победу он одержал главным образом благодаря храбрости этого легиона. Трибунов последнего он, однако, предал казни за то, что вследствие их нерадивости воины предавались роскошной жизни в Дафне²¹, или за то, что по их попустительству войско подняло мятеж.

LV. (1) Отправившись затем в Персию с большим военным снаряжением, он победил могущественнейшего царя Артаксеркса. Сам Александр обходил фланги, ободрял воинов, находился в пределах досягаемости копий, очень много действовал и своей собственной рукой, воодушевлял словами отдельных воинов на славные дела. (2) Разбив и обратив в бегство столь могучего царя, который пошел на войну с семьями слонов, тысячью восьмьюстами серпоносных колесниц и многими тысячами всадников, он немедленно вернулся в Антиохию и обогатил свое войско добычей, взятой у персов, позволив трибунам, военным начальникам и самим воинам сохранить у себя то, что они захватили в селениях. (3) Тогда впервые у римлян появились рабы-персы; впрочем, он возвратил их, получив за них выкуп, так как персидские цари считают позором для себя, чтобы их подданные были где-либо рабами; выкуп он частью отдал тем, кто собственноручно взял в плен рабов, частью — внес в государственную казну.

²¹ Предместье г. Антиохии.

LVI. (1) После этого он прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего произнес в сенате следующую речь. (2) Из сенатских протоколов — за шесть дней до октябрьских календ: «Отцы сенаторы, мы победили персов. Нет нужды в долгом красноречии. Вы должны лишь знать, каково было их оружие, каково снаряжение. (3) Прежде всего семьсот слонов, на них башни со стрелками и грузом стрел. Из них тридцать мы захватили, двести лежат убитые, восемнадцать мы привели сюда. (4) Тысяча восемьсот колесниц, снабженных серями. Мы могли бы привезти сюда двести колесниц, у которых животные были убиты, но так как это можно было и подстроить, то мы сочли излишним делать это. (5) Мы разбили сто двадцать тысяч их всадников-панцирников. Тех, кого они называют клибанариями, мы убили во время войны десять тысяч; их оружием мы вооружили своих. Много персов мы взяли в плен и продали. (6) Мы вернули себе междуречные земли (то есть земли Месопотамии), о которых не заботилось это грязное чудовище. (7) Артаксеркса, и наделе и по имени могущественнейшего царя, мы разбили и обратили в бегство, так что бегство его видела Персидская земля, и сам царь, бросив свои значки, бежал по той дороге, по которой некогда были пронесены значки наших войск. (8) Вот что совершено, отцы сенаторы. Нет нужды в красноречии. Воины возвращаются богатыми, при победе никто не чувствует труда. (9) Ваш долг — назначить благодарственное моление, чтобы нам не оказаться неблагоприятными по отношению к богам». — Возгласы сената: «Александр Август, да хранят тебя боги! Величайший Персидский, да хранят тебя боги! Подлинно — Парфянский, подлинно — Персидский! Трофеи твои и мы видим, победы и мы видим! (10) Хвала молодому императору, отцу отечества, великому понтифику! Благодаря тебе мы надеемся победить германцев, благодаря тебе всюду предвидим победу! Побеждает тот, кто управляет воинами! Богат сенат, богат воин, богат римский народ!».

LVII. (1) Отпустив сенат, он поднялся на Капитолий и, совершив священнодействие и поместив в храме персидские рубашки, произнес на народной сходке следующую речь: «Квириты, мы победили персов. Воинов мы привели назад богатыми. Вам обещаем раздачу, а завтра дадим Персидские игры в цирке». (2) Это мы нашли и в анналах и у многих писателей. Некоторые, однако, говорят, что, преданный своим рабом, он не победил царя, а бежал, чтобы не быть побежденным. (3) Кто прочитал большую часть писателей, тот не сомневается, что это сообщение противоречит мнению многих. Ведь говорят и то, что он потерял свое войско вследствие голода, холода и болезней, как рассказывает, например, Геродот, вопреки мнению многих. (4) После этого Александр с необыкновенной славой, в сопровождении сената, всаднического сословия и всего народа, среди обступивших его со всех сторон женщин и детей, главным образом — жен воинов, поднялся пешком на Палатин, а четыре слона повезли назад триумфальную колесницу. (5) Александра люди несли на руках и позволили ему идти не больше четырех часов. Со всех сторон неслись общие крики: «Рим благоденствует, государство благоденствует, ибо благоденствует Александр!» (6) На следующий день, по окончании цирковых игр и театральных представлений, он затем произвел раздачу народу. (7) Подобно тому как Антонин создал организацию фаустининских девочек, Александр создал организацию маммеинских девочек и маммеинских мальчиков.

LVIII. (1) Счастливы шли дела и в Мавретании Тингитанской под начальством Фурия Цельза, и в Иллирии под начальством Вария Макрина, родственника Александра, и в Армении под начальством Юния Пальмата — из всех мест ему были доставлены таблички, украшенные лаврами. Они в разное время были прочитаны в сенате и перед народом, а после того, как их, наконец, получили из Исаврии, Александру были присвоены все почетные звания. (2) Тем, кто хорошо вел государственные дела, были назначены знаки консульского достоинства с добавлением жреческих должностей и имений тем из них, кто был беден и отягощен годами. (3) Пленников из различных народов он подарил друзьям, если это позволял детский или молодой возраст этих людей. Однако людей, близких к царям и знатных, он назначил в войска — на невысокие должности. (4) Земли, отнятые у врагов, он роздал пограничным начальникам и воинам, с тем, чтобы эти земли принадлежали им лишь в том случае, если и наследники их будут слу-

жить в войске, и чтобы земли никогда не переходили в частные руки; он говорил, что войны будут ревностнее нести службу, если будут защищать и свои поля. (5) Кроме того, он дал им скот и рабов, чтобы они могли обрабатывать полученную ими землю и чтобы соседившие с варварскими областями поля не были покинуты из-за недостатка в людях и вследствие старости владельцев — это он считал в высшей степени позорным.

LIX. (1) После этого он жил, окруженный необыкновенной любовью народа и сената. Когда он отправился на войну с германцами, все были уверены в победе, но неохотно отпускали его и провожали на протяжении ста и даже ста пятидесяти миль. (2) Очень тяжело было и для государства и для него самого то, что германцы грабили и опустошали Галлию. (3) В довершение позора этот народ, который, казалось, всегда подчинялся даже ничтожным императорам, теперь угрожал Римскому государству уже после победы над парфянами. (4) Александр шел большими переходами, ведя радостных воинов. Однако, узнав, что и здесь легионы мятежны, он приказал распустить их. (5) Но галлы, народ по своему характеру суровый и непокорный, часто причинявший неприятности императорам, не могли вынести чрезмерной строгости этого человека, которая после Гелиогабала казалась еще большей. (6) Итак, когда он был с небольшим отрядом в Британии, а по утверждению других — в Галлии, в поселке, называвшемся Сицилией, его убили какие-то воины — не по общему решению войска, но как разбойники; это были главным образом воины, которые разбогатели от наград Гелиогабала и не могли терпеть строгого государя. (7) Многие говорят, что его убили подосланные Максиминию новобранцы, которые были даны последнему для обучения; многие говорят иначе. (8) Однако верно то, что его убили воины; при этом они говорили много оскорбительного о нем, как о мальчишке, и о его матери, скупой и жадной.

LX. (1) Правил он тринадцать лет и девять дней. Прожил он двадцать девять лет, три месяца и семь дней. (2) Он во всем руководился советами матери, вместе с которой он и был убит. (3) Знаменья его смерти были следующие. Когда он молился в день своего рождения, окровавленное жертвенное животное убежало и облило кровью его белую одежду, в которой он стоял, — ведь он держал себя как простой гражданин и находился среди народа. (4) Огромное старое лавровое дерево во дворце какого-то города, откуда он отправлялся на войну, внезапно рухнуло целиком на землю. (5) Три фиговых дерева — из тех, что приносят так называемые александровские фиги, — внезапно упали перед его палаткой, когда императорская палатка была прикреплена к ним. (6) Когда он проходил, женщина-друидесса крикнула ему по-галльски: «Иди, но не надейся на победу и не верь своим воинам!». (7) Когда он поднялся на трибуну, чтобы говорить речь, и хотел сказать что-нибудь благоприятное, он начал так: «После убийства императора Гелиогабала». (8) Знамение заключалось в том, что, готовясь отправиться на войну, он начал речь к воинам неблагоприятными словами.

LXI. (1) Но ко всему этому он отнесся с полнейшим презрением и, отправившись на войну, был убит в указанном выше месте следующим образом. (2) Он на виду у всех позавтракал, получив солдатскую пищу (ничего другого воины, разбирая палатку, не нашли). (3) В то время как он после еды отдыхал, приблизительно в седьмом часу дня один из германцев, исполнявший обязанности цитиносца, вошел в палатку. Все спали, бодрствовал между тем только император, который и увидел его. (4) Александр спросил у германца: «Что там такое, товарищ? (5) Ты приносишь какую-нибудь весть о врагах?» Тот перенугался и, не надеясь оправдаться в том, что он грубо ворвался в палатку государя, бросился к своим сотоварищам по палатке и поднял их на убийство сурового государя. (6) Те, вооруженные, вбежали в большом числе в палатку, изрубили безоружных и сопротивлявшихся, а самого Александра поразили множеством ударов. (7) Некоторые говорят, что вообще не было сказано никаких слов и только воины кричали: «Выходи, уходи». Так был убит превосходный молодой человек... (8) Но все военное снаряжение, которое потом взял с собой в Германию Максимин, было создано Александром; оно показало свою мощь у армян, осдроенов²², парфян и у всех других людей.

²² Племя, жившее в Месопотамии.

LXII. (1) Что Александр относился с презрением к смерти — это доказывает и та неустранимость, с какой он всегда умирал воинов, и следующее обстоятельство. (2) Астролог Тразибул был с ним в очень дружественных отношениях. Когда он сказал Александру, что тот обязательно погибнет от варварского меча, Александр сначала обрадовался, так как думал, что его ждет смерть на войне, достойная императора. (3) Затем он стал рассуждать, указывая, что все наиболее выдающиеся люди погибли насильственной смертью; при этом он назвал самого Александра, чье имя он носил, Помпея, Цезаря, Демосфена, Туллия и других замечательных мужей, погибших неспокойной смертью. (4) Он преисполнился такой гордости, что считал себя достойным сравняться с богами, если он погибнет на войне. (5) Однако действительность обманула его, ибо он погиб от варварского меча и от руки варвара-щитоносца — не на войне, а во время войны.

LXIII. (1) Смерть его причинила величайшее огорчение воинам, даже тем, которые были когда-то раскиссированы им, и они перебили виновников убийства. (2) Римский народ и весь сенат вместе со всеми провинциалами никогда не испытывали большей грусти и горечи, тем более, что грубость и неотесанность его преемника Максимиана, как военного человека, к которому вместе с его сыном перешла после Александра императорская власть, предвещали, по-видимому, неизбежность наступления более тяжелых времен. Сенат причислил Александра к богам. (3) Он был почтен кенотафием в Галлии и великолепнейшей гробницей в Риме. (4) Учреждено было и товарищество жрецов, названных александровыми. Добавлено было и празднество в память его матери и его самого, которое и поныне весьма набожно справляется в Риме в день его рождения. (5) В качестве причины его убийства иные выставляют то, что мать его хотела из чванства бросить Германскую войну и возвратиться на Восток, и это вызвало гнев со стороны войска. (6) Но это — выдумки почитателей Максимиана, которые не хотели, чтобы обнаружилось, что превосходный император убит своим другом, вопреки божеским и человеческим законам.

LXIV. (1) До этого времени империя римского народа имела такого государя, который правил более или менее долго. После Александра власть захватывали, вырывая ее друг у друга, многие, и одни из них правили по полгода, другие по году, большинство — два года, самое большее — три года. Так длилось вплоть до тех государей, которые удерживали власть дольше, — я разумею Аврелиана и следующих за ним. (2) Если хватит моей жизни, я опубликую о них все, что стало мне известно. (3) Поричали Александра за то, что он не хотел быть сирийцем, за то, что любил золото, был крайне подозрителен, придумывал много податей, хотел казаться Александром Великим, был чересчур строг по отношению к воинам, проявлял любопытство по отношению к делам частных лиц — все это из области его государственной деятельности. (4) Я знаю, большинство утверждает, будто его провозгласил Цезарем не сенат, а воины; но они совершенно не знают истины, — они же говорят, что он не был двоюродным братом Гелиогабала. (5) Пусть они по моему примеру прочитают историков его времени, особенно Ахония, который описал и походы этого государя.

LXV. (1) Ты неоднократно спрашивал, величайший Константин, что сделало таким государем его, сирийца родом, иноземца, тогда как столько людей, римлян родом, столько людей из других провинций оказалось бесчестными, грязными, жестокими, отвратительными, несправедливыми, развратными. (2) Прежде всего, я могу ответить на основании мнения порядочных людей, что хорошим государем можно быть от природы, которая повсюду является единой матерью. Затем, этот мог стать превосходным под влиянием страха, так как весьма дурной был убит. (3) Но так как твоей милости и благочестию следует сообщать правду, то я изложу то, что я прочитал. (4) Твоему благочестию известно — это ты прочитал у Марии Максима, — что в лучшем положении и едва ли не в более безопасном состоянии находится то государство, в котором дурной государь, нежели то, в котором дурные друзья государя, так как недостатки одного дурного могут быть исправлены многими хорошими людьми, но над многими дурными людьми никоим образом не может одержать верх один, как бы он ни был хорош. (5) Это было сказано Гомуллом — самому Траяну, когда последний сказал, что Доми-

циан был очень дурным, но имел хороших друзей и что поэтому больше ненависти вызывал к себе Клавдий, который доверил управление государством в высшей степени порочным вольноотпущенникам²³: ведь лучше терпеть одного дурного, чем многих.

LXVI. (1) Но, чтобы вернуться к делу, — Александр и сам был превосходным человеком... — ведь этого желает только хороший человек — и он следовал советам превосходной матери. (2) Однако и друзья у него были безупречны, достойные уважения, не лукавые, не грабители, не интриганы, не коварные, не склонные ко злу, не враждебные добрым людям, не развратные, не жестокие, не обманывавшие его, не насмешники, не такие, которые старались бы вводить его в заблуждение как глупца, но безупречные, достойные уважения, воздержанные, набожные, любящие своего государя люди, которые и сами над ним не смеялись и не желали, чтобы он служил предметом насмешек для других, люди, которые ничего не продавали, ни в чем не лгали, ничего не выдумывали, никогда не обманывали надежд своего государя, но любили его. (3) К тому же — он не держал евнухов ни в советах, ни среди прислуги, а ведь только эти люди и губят государей, желая, чтобы те жили по обычаям некоторых племен или персидских царей: ведь это они отдаляют государя от народа и друзей, они являются передатчиками и часто сообщают не тот ответ, какой был дан, отгораживают от всех своего государя и принимают все меры к тому, чтобы он ничего не знал. Раз они были куплены и в детстве были рабами, то какие у них могут быть порядочные мысли? (4) Наконец, сам Александр высказывал такое мнение: «Я не позволяю рабам, купленным за деньги, распоряжаться головами префектов, консулов и сенаторов».

LXVII. (1) Я знаю, император Константин, как опасно говорить это перед императором, который находится в подчинении у таких людей, но, к счастью для государства, после того, как ты понял, какое зло представляют собой эти негодяи и как они обманывают государя, ты ставишь их так низко, что долго не позволяешь им носить хламиду и пользуешься ими только для домашних услуг. (2) Замечательно то, что Александр не принимал наедине в Палатинском дворце никого, кроме префекта, именно — Ульпиана, и никому не давал возможности ни давать пустые обещания, торгуя его именем, ни дурно говорить ему о других, — в особенности после казни Туррина, который часто болтал попусту, изображая его глупцом и безумцем. (3) Кроме того, если Александр находил, что его друзья или родственники — дурные люди, он либо наказывал их, либо, если старинная дружба или родственная связь не позволяли наказывать их, он удалял их от себя, говоря: «мне дороже все государство, чем они».

LXVIII. (1) Чтобы ты знал, какие лица находились в его совете, я перечислю их: Фабий Сабин, сын замечательного человека Сабина, Катон своего времени; Домиций Ульпиан, чрезвычайно сведущий в праве; Элий Гордиан, ... императора Гордиана, само дело, человек замечательный; Юлий Павел, чрезвычайно сведущий в праве; Клавдий Венак, блестящий оратор; Катилий Север, его родственник, превосходивший всех своей ученостью; Элий Серенниан, превосходивший всех своей праведностью; Квинтилий Марцелл — лучшего человека не знает даже история. (2) При наличии такого количества этих и других подобных им людей что плохого могло быть задумано или сделано, когда они совместно стремились к добру? (3) Правда, их отстранила кучка дурных людей, которые окружили Александра в первые дни его правления. Однако благодаря благоразумию молодого человека дурные люди были частью казнены, частью изгнаны, и одержала верх эта безупречная дружба. (4) Таковы были те, кто сделал сирийца хорошим государем, а дурные друзья были виновниками того, что государь-римляне, заразившись их пороками, являются весьма дурными даже в глазах потомства.

²³ Конъектура Холя: *vilio (sissimis libertis concesserit)*.

